

Евгения Чая

участковая
ВЕДЬМА
книга 1

Евгения Чая

Участковая ведьма. Книга 1

«Автор»

2026

Чая Е.

Участковая ведьма. Книга 1 / Е. Чая — «Автор», 2026

После проблем на службе Августина Жигалкина понижена в звании и отправлена в райцентр. Служить ей теперь участковой ведьмой в деревне Лукогорье! Здесь ей предстоит стать не только образцовым милиционером, но и простой советской Бабой-Ягой. Книга связана с историей "Дело в Ручейках" одним миром и парой персонажей. Внимание! Первая книга! Планируется продолжение!

© Чая Е., 2026

© Автор, 2026

Евгения Чая

Участковая ведьма. Книга 1

ГЛАВА 1. Лиха беда начало

Едва Ава вышла из автобуса, как на неё обрушился водопад. Она и охнуть не успела, а уже промокла до нитки. Автобус безжалостно отрезал пути к отступлению захлопнувшимися за спиной дверями, а потом и вовсе уехал. Девушка осталась на остановке, чья жестяная крыша протекала в десятке мест.

Майский ливень! В городе, да с балкона, сплошная радость глядеть на него. Вскрикивать, видя молнию, и хохотать при раскатах грома. Ну и ещё, может быть, немного пошлёпать босиком по тёплым лужам.

Но остановка-то была на краю деревни. И бежать по грязи к ближайшему дому, оскальзываясь, да с двумя чемоданами, да ещё в неведении – пустят тебя или нет, Аве не хотелось.

Вот она и стояла, лязгая зубами, пока водопад, наконец, не превратился в лёгкий дождик. Тут уже потоки воды превратились в хрустальные нити, а на небе появились первые просветы. И на подъехавший к остановке мотоцикл с коляской Ава взглянула как утопающий на лодку.

– До центра, что ль, подвезти? – спросил мужчина в прорезиненной плащ-палатке. – Погоди, я тебе тут постелю, а то намочишь всё.

Ава села в коляску, мужчина сверху взгромоздил оба чемодана. Под плащ-палаткой у него виднелись голубовато-серая форменная рубашка, тёмные серые брюки, фуражка с золотистой кокардой.

– Ты откуда такая? Чисто цыплёнок, – подивился мужчина, возвращаясь за руль мотоцикла. – Из города? На практику?

– П-прибыла по месту службы, младший лейтенант Августина Витальевна Жигалкина.

– Приехали, – опешил милиционер, и его немолодое лицо вытянулось от удивления. – То есть ты тот самый младший лейтенант А. Жигалкин, о котором в среду телеграмма была?

– Ну... по-видимому, да, – простучала зубами Ава.

Мотоциклист уставился на неё тяжёлым взглядом тёмных глаз. «Сейчас высадит!» – решила Ава. Но мужчина только хмыкнул и, заведя оглушительно затарахтевший «Урал», повёл своего «железного коня» по просёлку, к уютным домам, утопавшим в цветущей сирени.

Двухэтажное дощатое здание, выкрашенное синей краской, имело просторное крыльцо с двумя дверями. Ава увидела две таблички: «Администрация Раевского сельского совета» и «Опорный пункт охраны порядка». И под второй ещё несколько маленьких табличек с указанием, какие такие службы и отделы обретаются в данном пункте.

– Приехали! Заходи, – кратко сказал немолодой милиционер, сгружая на крыльцо чемоданы, – располагайся. Я сейчас буду.

И куда-то пошлёпал расхлябанными сапожищами по жидкой грязи. Дождь уже прекратился, но слякоть никуда пока не делась.

Ава кое-как обтёрла подошвы мокрых туфель о тряпичный коврик и открыла тяжёлую дверь. Отделение участкового нашлось за ещё одной дверью, на этот раз стеклянной. Тут был выкрашенный серой краской коридор с тремя дверями справа, двумя слева, двумя зарешеченными клетушками КПЗ и мутным окошком в конце. Окно тоже было забрано двумя решётками, на них висел здоровенный замок. Наружная проводка под потолком добавляла неуюта. А может, так казалось ещё и потому, что Ава была мокрая до последней нитки.

– Приехали, – сама себе сказала она.

Одна дверь справа по коридору оказалась открыта и привела в унылое казённое помещение. Здесь стоял стол буквой Т, несколько стеллажей с папками, вряд ли сильно важными,

раз были в доступе, стулья и у одной из стен – низкий красный диван, застеленный полосатым покрывалом. На тумбочке возле окна обнаружился электрический чайник с помятой крышкой, несколько стаканов в подстаканниках, плетёная из бересты хлебница. Ава огляделась по сторонам, проверила, достаточно ли в чайнике воды и воткнула тяжёлую вилку в розетку, то и дело опасаясь, что заискрит. Не заискрило.

– Вот, принёс, глянь, сойдёт ли переодеться, – буркнул немолодой милиционер, входя в помещение.

Ава не ожидала, что он появится так скоро и так тихо, вздрогнула и ойкнула, будто её застукали за чем-то нехорошим.

– Да не бойся ты, – с досадой сказал мужчина, кладя на стул стопку какой-то одежды, возможно, спортивный костюм. – Я твой начальник, но я ж не инквизитор какой. Капитан Малецкий. Роман Петрович.

– Лейтенант Августина Жигалкина, забыв, что уже представлялась, отчеканила Ава. – П-простите, младший лейтенант.

– Знаю, что младший. Форму можешь пока повесить вон туда, в шкаф, – он кивнул в сторону стеллажей, и Ава заметила, что там действительно есть и шкаф, двустворчатый с окошечком в одной двери. – Я выйду. Ты переодевайся.

– Не стоит, – сказала Августина. – Чайник уже закипел.

– Одним чаем разве согреешься? – засомневался Роман Петрович.

Ава шмыгнула носом.

– Раз вы знаете, что я приеду, то есть некий Жигалкин, – тут она иронично улыбнулась, – то, наверно, знаете, и за что меня сослали.

– Только в общих чертах, – поморщился капитан, и с уголков глаз побежали весёлые лучики морщинок. – Да и то! Думал я, что парень нашалил по молодости, а тут тебя, цацу такую, прислали.

Нет, всё-таки старше сорока или даже сорока пяти он был. Морщинки вон, складка на лбу, седина обильная – наверно, уже даже за пятьдесят перевалило. Отчего же до сих пор капитан? Столько лет на одном месте, уже только за выслугу лет мог бы получить майора и перейти из райцентра в какой-нибудь городок.

– Ладно, на минутку выйдите, – сказала Ава, подумав. – Не хочу вас смущать.

Роман Петрович крякнул, но вышел.

Ава сунулась в свою сумку – тоже мокрую, конечно же. Во внутреннем кармашке в бумажном пакетике нашарила одно из сухозелий, убедилась, что карандашом на нём написано «для сушки». Комочек сухих трав чуть размок, но не критично. Она бросила его в стакан, залила кипятком, пробормотала нужные слова и коснулась горячей воды ногтем указательного пальца. Вода на секунду вскипела, а затем почти мгновенно остыла до приемлемой температуры. Ава выпила залпом и почувствовала, как её обдало сухим горячим воздухом. Разумеется, волосы тут же встали дыбом, напрочь отшвырнув куда-то пилотку с головы.

Тёплое зелье направило энергию циркулировать так, как того требовал случай. Но появились побочные проблемы: во-первых, кожа стала слишком сухой, обветренной, во-вторых волосы не только вздыбились, но и отросли сантиметров этак на пятнадцать. И при этом закучерявились. А была такая аккуратная стрижка!

В попытках совладать с причёской Ава не заметила, как капитан Малецкий вернулся в кабинет.

– Какие будут указания, товарищ капитан? – весело спросила Августина, потому что, будем честны, сухозелье ещё и изрядно её взбодрило.

Тонизирующий эффект не бывает лишним, если промокнешь и замёрзнешь.

– У нас нехватка кадров, – начал Роман Петрович. – Но с твоей, хм, специализацией, дисциплиной и даже с твоими дырочками в погонах тебе одна дорога: в Лукогорье.

– Куда-куда? – поперхнулась Ава. – В Лукоморье?

– В Лукогорье, – поправил капитан. – До моря тут во все стороны далёко, так что...

– Ну, до Балтики ближе, – уверенно сказала Ава. – Вообще у меня пятёрка по географии. Была. В школе.

– Угу, вижу, что в школе, – сказал Роман Петрович.

Августина шмыгнула носом – всухую, потому что её же высушило. Надо бы водички попить, восстановиться.

– Разрешите поинтересоваться, – сказала она сдержанно, – что вы такое во мне видите, чего не положено иметь участковому?

– Вот проблемы с субординацией вижу, – сказал капитан. – Ещё вижу, что глаз горит, несмотря на твои проблемы на прежнем месте. Тут не так, и участковый тут – не такой винтик, как в большом городе. У нас это фигура важная, особенно на глухих участках. Однако тут и вторая твоя сущность важна, в отличие от других мест, возможно, во всём Союзе. Лукогорье – это особенная деревня. Если кто там и приживётся, то это ты.

– Разрешите...

– Разрешаю, – вздохнул Роман Петрович. – Про деревню расскажу подробно немного позже. Сегодня со мной прогуляешься, походишь, поглядишь на райцентр. Посоветую, чего закупить. Чемодан твой... Я тебе рюкзак ещё дам, вот что.

– Закупить? Зачем?

– Затем, что это Лукогорье, пропавшая деревня. Электричества там нет, газа нет, к магазину просто так не подберёшься... Связи, кстати, тоже нет.

– Понятно, – приуныла Ава. – Воды нет, растительности нет, полезных ископаемых нет, населена роботами, – процитировала она с лёгким акцентом, как, собственно, и было в «Тайне третьей планеты».

– Ну ничего, Лукогорье другим богато, – сказал капитан. – Не дрейфь. Переночуешь у моей мамы, а завтра поутру я тебя до развилки подброшу. Там уж не заблудишься. Лесник встретит.

– А как вы ему сообщите, раз там связи нет? – спросила Ава.

– Ему и сообщать не надо. Он же Лесник, – не слишком понятно ответил Роман Петрович. – Ну, пошли. Волосы только приberi и пилотку надень. То, что тут райцентр – это не повод расхристанной ходить.

Село Раево закончилось, потянулись унылые поля, небо, затянутое кучевыми облаками, далёкие кружевные рощицы. «Летняя форма одежды», дополненная поверх «неосновательного» плащика пропахшей дымом плащ-палаткой Малецкого, не грела, а модные капроновые колготки да лёгкие чёрные туфельки и вовсе казались неуместными посреди озимых всходов, берёз и осин, грязи и навоза, травы да прошлогодней перепрелой листвы. Просёлочная дорога была вся разъезжена большегрузами и тракторами, колёса машины порой здорово буксовали.

«Цаца, – подумала про себя Августина Жигалкина, трясаясь в неуютном пузе служебной «буханки». – А была бы тем младшим лейтенантом Жигалкиным, которого ждал Роман Петрович – прозвали бы «мажором».

Резиновые сапоги, выданные заботливой мамой Роман Петровича, простые колготки, купленные в кооперативной лавочке Раево, и ещё множество необходимых вещей тряслись рядом с Авой в круглом брезентовом рюкзаке. Авоську с продуктами «на первое время» Ава держала на коленях. Вопрос, как она потащится со всем этим приданым через лес и просёлочек, трясся в голове.

Но, когда Роман Петрович остановил машину на перекрёстке, Ава обо всём забыла. Поле кончилось, небольшая опушка, поросшая молодой травой, вспыхивала искрами капель

от недавнего дождика, а дальше росли такие сосны, какие она видела разве что на картинах Шишкина.

Лесник тоже не подвёл. К перекрёстку неспешным шагом подошла крепконогая, рослая лошадь, которая тянула за собой повозку. Не телегу даже, а выкрашенную в чёрный цвет бричку с аккуратной дверцей с нарисованными красными и жёлтыми цветами. Просто дивно хороша была эта бричка. На козлах сидел жилистый бородач в выцветшей белой футболке с символом Олимпиады-80. Зеленые потёртые брюки, стоптанные сапоги с обрезанными голенищами и волосы цвета соломы – вот и весь так называемый Лесник.

– Здравствуйте, – осторожно обходя лошадь, Ава подволокла чемодан к бричке.

Под туфлями чавкало, но за края обуви пока не заливало. Мужчина на козлах посмотрел сверху вниз, оценил размеры бедствия и со вздохом спустился в раскисшую жижу дороги.

– Здорово, – сказал он, протягивая руку – сухую, тёплую и, надо сказать, не такую уж и загрубелую, как казалось, глядя на заскорузлые сапоги и длинную бороду. – Не промахнулся я, смотри-ка.

– С чем не промахнулись? – захлопала глазами Ава.

Вместо ответа Лесник сперва потрепал по шее песочно-жёлтую с тёмной гривкой лошадь, а затем кивнул на повозку. Закинул туда чемодан, потом рюкзак, а затем помог Аве вскарабкаться вместе с авоськой. Она села на скрипучее дерматиновое сиденье, почти как в автобусе, и сняла грязные-прегрязные туфли. Лесник кинул на пол тряпицу.

– Оботри, – сказал добродушно, а потом повернулся к капитану Малецкому. – Ну, ценный груз принял. На учёт поставил. Есть что-то, что мне надо знать?

– Всё, что надо, ценный груз тебе сам расскажет, ты только спрашивай, – ответил Роман Петрович.

– А мне можно спрашивать? – спросила Ава, задетая тем, что при ней говорят так, будто её тут не было. – Вы вчера мало о чём рассказали, товарищ капитан.

– Сама всё увидишь. И поймёшь больше моего, – ответил Малецкий и похлопал лошадь по шее, ближе к плечу. – Ну, трогай, Саврасушка, трогай!

Ава ещё услышала, как он сказал неведомо кому, прежде чем вернуться в машину:

– Приехали!

Спина Лесника была очень выразительная. Сейчас она выражала знак вопроса. Но мужчина молчал, и Августина начала первой:

– Вас так и зовут – Лесник?

– Ага, – ответил Лесник. – Фамилие моё такое, с профессией совпадает. Ударение раньше вообще-то на первый слог приходилось, но кого это волнует?

– А имя?

– А имя Леснику не положено, – хмыкнул мужчина. – Но зовут меня Матвей Степаныч.

– А как так вышло, что Лукогорье настолько отрезано от мира? – спросила Ава. – Дорога есть, а ни одного столба нет.

– Так и вышло. Излучина, что ты хочешь! Болота осушили – и Река ушла. А излучина осталась.

– Не очень понятное объяснение, – заметила Ава. – Но допустим. Чем же тогда ваша деревня живёт? На одних огородах небось не прокормишься?

– Ну, я пару раз в неделю с подводой до развилки доезжаю, там автолавка бывает. Кому надо, тому привожу, что попросят. Иных с собой могу взять. Тоже до автолавки. А так, конечно, огороды есть, лес кормит, скотину держим. Нам много и не надо!

Тут спина Лесника выпрямилась, расправилась, очевидно, выражая гордость.

– А если заболел кто? – не отставала от спины Ава. – Или, скажем, случилось убийство?

– Типун тебе на язык, – огорчённо поникла спина. – И не говори такое, и не думай, беду накличешь.

– Не накличу, я для отвода беды все знаки знаю, – Ава и правда скрутила из пальцев двойные кукиши, а для верности поплевала во все стороны. Но спиной-то этого Лесник увидеть не мог! – И всё-таки, вопрос в силе, товарищ Лесник.

– Вопрос у неё, – проворчал мужчина, и некоторое время они ехали молча. – Вопрос у неё, – спина передёрнулась. – Если что случалось, мы шли к ведунье. Теперь ведьмы у нас нет. Просили прислать, вот Петрович, добрая душа, тебя привёз.

– Меня?! – вскричала тут Ава, и спина вздрогнула, а потом напряглась осуждающе. – Я – младший лейтенант милиции Жигалкина, участковый инспектор, а не ведунья! Как скорая помощь к вам попадает, как пожарные приезжают?

– Никак не приезжают. Техника тут не работает, а люди лишний раз боятся соваться в этот край. На всё одна ведунья была, – задумчиво ответил Лесник. – Со всем, с чем деревня не могла справиться, она справлялась. Ты, я думаю, не слабже её будешь. Ты ведьма крепкая, и, судя по глазу твоему, потомственная. Рука у тебя, опять же, сильная. Справишься. Главное, приедь, погляди, хозяйство прими. Жить начни. Лиха беда – начало?

– Как знать, – завозилась на сиденье Августина, надевая туфли и поплотнее заворачиваясь в плащ-палатку. – Так-то, может, и очень даже лиха.

ГЛАВА 2. Встречают по одежке

Лес кончился вместе с моросящим дождём, от которого Аве было не по себе, невзирая на плащ-палатку. В сосновом бору девушке всё казалось, будто капли что-то шепчут, а деревья разглядывают её. Что между серыми и золотистыми стволами словно кто-то ходит. Оглянешься – нет никого, а всё-таки будто провожает кто-то, неотступно следит за каждым движением, даже если просто моргаешь. И вроде не страшно, не злобно следит. А всё ж не по себе.

Но как только бричка выехала за границу леса, как только расступились вековые деревья и усыпанная мягкой хвоей дорога перешла в две полузаросшие травой колеи, выглянуло яркое солнце. Небо стало почти чистым, и Ава, охнув, зажмурилась. Потом стала разглядывать окрестности и залюбовалась.

Пологие, округлые пригорки, покрытые юной зеленью, и кружевные рощицы берёз в ложбинках между ними, и стая журавлей, которая после дождя потянулась куда-то вдаль, и аккуратные домики, маленькие, как на ладони... Только с одной стороны вид был не такой волшебный. Там торчали тёмные сухие остовы деревьев, земля была как бы соломенной, и видно было изгиб, усыпанный белыми и серыми камнями: очевидно, «ушедшая» отсюда речка. Река ушла, излучина осталась, и висели над нею тёмно-серые низкие облака, оставшиеся, видимо, от дождя. Смотреть в ту сторону было не очень приятно. и Августина повернулась туда, где зеленела трава и синело небо.

– Хорошо-то как, – вздохнула Ава. – Сказочно!

– То и дело, что сказочно, – тяжело вздохнул Лесник. – А каково тут живётся, сказочникам и невдомёк. Ну, трогай, Саврасушка.

И причмокнул. Савраска повёл аккуратными ушками и заторопился частой, нетряской рысью к родным местам.

Вблизи домики Лукогорья оказались не такими уж нарядными. Обычные такие избышки, кое-где обшитые крашеными досками. Но всё-таки живописное было место! И крыши, крытые где шифером, а где жостью. Синие, белые, голубые и зелёные заборы. Гуляющие по улочкам куры да утки, весёлые собаки у ворот. Старушки в огородах, старички, деловито куда-то идущие целой гурьбой. Обычная такая деревушка, живущая своей, насыщенной жизнью. Вот только...

– А что же у вас тут одни пожилые люди? – спросила Августина.

– Не только пожилые, – сказал Лесник. – Хотя да, младше сорока ни единой души.

– Отчего так?

– Потом расскажу. Сперва давай покажу тебе твоё хозяйство.

– Хозяйство?

– Ага! Вон там, за околицей стоит, с ноги на ногу переминается.

Ава увидела и ахнула.

– Вы, что ли, шутите, товарищ Лесник?! Разыгрываете, да?

– Какие там шутки, девонька? – пожала плечами широкая спина, выражая собой всю обречённость и безысходность мира. – Ни один участковый до тебя даже досюда доехать не мог. Приняло тебя Лукогорье наше, а значит, и жить тебе здесь.

– Это как вы так быстро всё сделали? Или тут для туристов такое? – не могла поверить Ава. – Хотя постоит-ка... Капитан Малецкий загодя знал, что ведьма из Владограда приедет, вот и решил разыграть, мол знай наших, да? А заодно наказать за прежнее, как будто я мало получила...

У неё на глазах даже выступили злые слёзы. Но Лесник внезапно повернулся к ней и спокойно сказал:

– Ты о себе слишком много думаешь, Августина. Вот лучше погляди, какая красота. А ну, избушка, повернись к нам передом, а к лесу задом. Поздоровайся хоть с новой хозяйкой-то.

Избушка повернулась. Ава даже с брочки спрыгнула, посмотрела под её днище или как это там у избушек называется. Снизу были доски.

От двери, словно трап, выехала лестница, расправила три дощечки-ступеньки, натянула верёвочные перила. Избушка на курьих ножках не выглядела древней и замшелой, была вполне приличной деревянной избой, понятно, что небольшой, и ноги у неё были деревянные, не слишком похожие на птичьи. Разлапистые пальцы-корни шагнули по земле навстречу Аве, потоптались и встали смирно. Корни слегка вросли в почву. Трогательный росточек с двумя листьями качнулся, будто поклонился.

И Ава, поднявшись по крыльцу, увидела, как над дверью появилась бело-голубая жестяная табличка «Милиция. Лукогорское отделение №1. Участковый инспектор Жигалкина А. В.»

– Именная прям, – растроганно сказала Августина. – Не положено ведь.

– А кто что скажет? – усмехнулся Лесник. – Ну? Войдешь, что ли? Или как предыдущий, на стой ко мне запросишься?

У Авы не было ответа.

И, если бы избушка не отворила скрипучую зелёную дверь, она бы не решилась войти. Она всё ещё немного подозревала какой-то нелепый заговор, но какой был смысл капитану Малецкому устраивать такую вот встречу? Столько ехать... Он бы, скорее всего, устроил бы розыгрыш в Раево, как говорится, не отходя от кассы.

И уж зная собратьев по службе, Ава руку бы дала на отсечение, что капитан, устрой он розыгрыш, никуда бы не уехал. Нашёл бы способ остаться и посмотреть на реакцию новичка на дело его рук!

Итак, дверь приоткрылась. На пороге сидела кошка необычной трёхцветной масти и спокойно вылизывала лапу.

– Мне войти? – спросила Ава у кошки.

Та поставила лапки одна к другой, обвила их хвостиком и кивнула.

– Ну, я пошёл, – сказал Лесник, не заходя в избушку. – Буду нужен – мой дом третий отсюда, по правую руку, зелёный забор.

Вещи с брочки он сгрузил в траву возле домика, от себя добавил какой-то свёрток: в полотенце было завернуто что-то увесистое, словно кирпич, но, пожалуй, полегче. Пахнуло дымком и ещё чем-то приятным, добрым.

– А с населением как можно будет познакомиться? – спросила ему вслед Августина.

– Так это, – обернулся Лесник, – не трудись. Оно само скоро знакомиться придёт. Ты располагайся, переодевайся – тут не холодно нынче, а скоро и вовсе жара придёт. Черёмуха отцвела.

Отличный прогноз. Но Ава привыкла полагаться на более точные, которые по радио передают – и в дом вошла, позабыв о том, что здесь нет ни электричества, ни связи.

– И кстати, – задумчиво сказала она вслух, оглядывая избу изнутри, – как тут всё устроено? Где есть, где спать, где, извините, в туалет ходить и мыться?

Убранство тут было небогатое. Печка во всю стену, два оконца, стол да лавка, да сундук в углу. Всё какое-то старинное, но хотя бы не затянутое паутиной и не покрытое пылью. На лавке и сундуке лежали вышитые дорожки, по виду – домотканые. Ещё Ава увидела в углу умывальник на коротких ножках – с носика рукомойника капала вода. Откуда её брать? Как заливать? Где лежит хоть какая-то утварь?

– И где принимать граждан, – дополнила список своих претензий к помещению Ава.

Кошка не выдержала, подошла к ней и потрогала лапой за ногу. Опасаясь за тонкие капроновые колготки, Ава отступила в сторону, и запнулась... о стул.

Только что его не было здесь! Откуда появился? Августина ошарашенно села, и кошка сразу же прыгнула ей на коленки.

– Жаль, что ты не говоришь, – вздохнула девушка и погладила пятнистую спинку.

Та мурлыкнула и мигнула жёлтыми глазами.

– Где-то была у меня одна травка для тебя, – задумчиво сказала Ава. – Давай посмотрим, поможет ли. И сумеем ли мы как-то с тобой наладить отношения. Только сразу предупреждаю: в компаньоны я никого не беру.

Она встала, пошла шарить в сумке – да, сухозелье там было, лежало в холщовом мешочке с надписью «говор. притр.» шариковой ручкой по ткани. Достала маленький шарик, скатанный из высушенных трав и протянула кошке на ладони. Кошка покатала шарик туда-сюда лапкой, понюхала и отвернулась.

– Да чтоб, – начала Ава и тут же осеклась.

В устах ведьмы любое слово может стать заклинанием. Особенно когда злишься. В древние времена ведьмы не слишком сдерживались, и на них нашлась управа в лице инквизиции. Сейчас инквизиторы, конечно, тоже существовали, но с ними у ведьмовской организации под названием Колдовской Ковен, был договор. И был, был у Августины инцидент с инквизицией, начавшийся именно с не сдержанного проклятия.

– Хозяйка, а хозяйка! – послышался вдруг женский оклик с улицы.

– Это вы мне? – спросила Ава, выглядывая из избушки.

– Ты, что ли, новая Баба-Яга у нас будешь? – полюбопытствовала симпатичная старушка в белом платочке в синий горошек. – Тогда мы к тебе!

Платье у неё было серое, почти до пят, а вот фартук нарядный, белый с красными вышитыми петухами. Ава даже залюбовалась.

– Я участковый инспектор. Августина Витальевна, – представилась она, спускаясь к старушке по деревянной лесенке и протягивая руку.

– Дак это на табличке сказано. А по сути-то ты же не милиция, а Баба-Яга. Просто должности такой нету, поэтому и написали, – сказала старушка. – Меня звать Симакова Серафима Васильевна, ну или просто баба Сима. А сестру мою баба Вася, потому что она Василиса Васильевна. Мы к тебе пришли с просьбой, только ты уж, пожалуй, переоденься сперва, чтобы своей формой никого не смутить.

– Форму я менять не буду, не положено, – сказала Ава.

– Молодая она ещё, да, Вась? – повернув голову, сказала баба Сима, и сама себе покивала.

– Молодая, Сим, молодая.

– Возраст – не главное, – сказала Августина сдержанно. – Куда идти?

– А пистолета у тебя нету с собой? – полюбопытствовала старушка.

– Вася, ну как не стыдно, нету у неё пистолета, не положено им, – тут же упрекнула она сама себя.

Пистолет вообще-то был. Но лежал он в сумке, потому что с мирным населением Августина перестреливаться не собиралась. По крайней мере, пока.

– Ну как так, милиция и без пистолету? – спросила старушка сама себя.

Ава подумала, что если баба Сима продолжит препираться с несуществующей сестрой – то можно будет просто уйти обратно в избу и подумать о том, как в ней вообще жить. Но тут гражданка Симакова Серафима Васильевна подняла на девушку бледно-голубые глаза и сказала:

– Да и не понадобится тебе пистолет, ты ж Яга. Идём.

– Я не Яга, я младший лейтенант, – идя за старушкой, безнадёжно сказала Ава. – Пойдите, я же избушку на заперла, вдруг залезет кто?

– Куда? В дом Яги? – засмеялась баба Сима. – Нет таких дураков. К обычной ведьме и то не полезут. А уж к тебе-то! Пренная у нас была старенькая, из ума уже выжила, не помнила ничего... И то к ней никто не залезал. Правда, Вася?

– Правда! Симка вот не помнит, она ж меня младше, а я помню, когда Варвара только заступила, так вот, Баба Яга она была честь по чести. Высокая такая, горбатая-мослатая, косматая... Тоже не старая, конечно – где-то сорок пять ей было тогда. Но уже страшная. И ведьмовство у ней было сперва опасное, не отмытое. Это уж потом, когда советская власть вмешалась, вот тогда Яга попритихла. Но когда Вася впервые Варвару увидела, тогда ещё речка даже была. Лет семьдесят назад, да Вася? Да, Сим. Это уж потом Ядвига появилась, а Варвара ушла.

Августина посмотрела на Серафиму снова. Выходило, что ей было уже лет восемьдесят, не меньше. Немудрено, что из ума выжила. Хотя почему выжила? Возможно, сестра у неё уже умерла, раз была старше, а Сима по привычке с нею беседует.

– А почему сейчас деревня запросила не ведьму у Ковена, а милиционера у властей? – спросила Ава, пока они не спеша шли от деревеньки под горку.

– Ковена? А чой та такое – ковен? – спросила бабка.

– Организация колдунов и ведьм, – пояснила Ава.

– Так мы не просили ничего. Нету Яги – и ладно. С нею, конечно, весело бывало, как она гонять кого начнёт метлою своей. Но только она не шибко сдержанная была. Как скажет, так тебя и скрутит.

– Ну хорошо, а участковый-то вам зачем?

– Так это, – охотно пояснила Симакова, – низачем, просто сверху так решили.

– Кто решил? – не поняла Августина, хотя, конечно, почти сразу вспомнила – кто, знала же, только не ожидала, что здесь, в глуши, старушка – божий одуванчик будет про магию и политику рассуждать.

– Ну так Вождь, новый Вождь, он же как-никак у нас колдун, – уважительно сказала баба Сима. – Никогда такого не было, чтобы у власти колдун стоял, хотя, говорят, при царе-то последнем... ну да ладно. Он вот и решил, что всякая деревня должна быть с участковым.

Что ж, старушка говорила разумно. Вообще грамотная, кажется, была старушка.

– В газете читали? – уточнила Ава.

– Леснику всегда газеты заказываем, всем миром потом читаем, – ответила Симакова.

– Ну так вот! Участковый нам пригодится, потому что за порядком следить надо. И другие единицы тоже нелишние! Фельдшера бы ещё нам и ведьму, раз уж ты только милицию представляешь.

– Спокойно, ведьма уже здесь, – ответила Августина, а у самой опять нехорошие подозрения закрались в душу.

Как бы не пришлось тут решать вопросы не только по части закона и магии, но ещё и за фельдшера работать. С целительством у Авы не задалось, да и вообще, после магических ускоренных курсов она решила, что милиционером ей быть интересней, чем ведьмой. Основы знала – но и не более того!

– Ну да, ведьма теперь тоже вроде как есть, – сказала баба Сима. – И вот инквизитора бы ещё. Для равновесия.

– В случае чего, из райцентра попросим, для равновесия, – ответила Ава, не очень понимая, для чего тут нужен ещё и инквизитор, – они там точно водятся. – Так куда мы идём-то?

Она огляделась.

Тут уже роща берёзовая началась, под ногами пышно расцветали белые и жёлтые звёздочки ветрениц, а никаких преступлений, пострадавших, злоумышленников и вообще ничего такого Ава не видела.

– Так вот, пришли, – сказала Симакова. – Гляди.

И ткнула рукой сперва на одинокую среди берёз осинку, а затем на то, что под ней. Тут Ава почувствовала ещё и запах: опасный, как будто звериный.

Осина была ободрана со всех сторон метра на два в высоту, а то и выше. У корней же, в траве, оказались следы крови. Не то чтобы много, но всё-таки изрядная лужица.

– М-медведь? – спросила Ава, озираясь в опасении, что где-то рядом засел злой раненый хищник. – Тогда это, наверно, дело Лесника?

– Непростой это медведь, и Лесник на него не пойдёт, правда, Вась? – спросила Сима. – И никто не пойдёт.

Тут она вдруг подошла совсем близко, и Ава поморщилась, почувствовав от старушки неприятный запах, похожий на вонь тухлятины. А глаза Симаковой вдруг из бледно-голубых стали тёмными, налились кровью. Ведьма отшатнулась, поняв, что старушка будто бы двоится, и еле успела обеими руками скрутить двойные кукиши.

– Чур меня! – вскричала девушка.

– Да поздно, – зловредно хихикнула баба Вася, отделяясь от бабы Симы.

Теперь они стояли, две почти одинаковые бабки, только одна заметно просвечивала, да и платочек у неё был не белый, а синий. Слова заговора завязли у Авы на зубах, в голове появилось тревожное чувство щекотки, а руки и ноги перестали слушаться свою хозяйку.

– Вот мы тебя сейчас перехватим, на медведя пойти заставим, а там и поглядим, кто кого, – смеялись баба Сима и баба Вася. – Ведьма медведя или медведь ведьму? Или оба друг друга изведут? И так, и эдак хорошо!

– Сгиньте, рассыптесь, – приказала Августина, но для такого проклятия необходимы были ещё и магические пассы, а руками она пошевелить не могла. – Морокуши, гадины подколенные, чтоб вам света белого не видеть! Кого только на приманку извели?

– Косулю тут намедни подстрелили, браконьеры, – ответила баба Сима. – А ты и повелася!

Старухи хихикали и потирали сухонькими ладошками, пока полупрозрачная баба Вася, напившись от Авы бессильным отчаянием, почти не перестала просвечивать.

– Сгиньте, – бессильно прошипела Августина из последних сил.

– А и правда, давай её на Нил Потапыча настропалим, – сказала баба Сима. – Надоел он мне, хранитель хренов.

– Фу, как грубо, – сказала баба Вася. – Но давай! Эй, девка, Августина ты Жигалкина, дочь Витальевна, встань передо мной, как лист перед травой. Встань да в чашу иди, Нил Потапыча найди!..

Ава сошла с тропы – против воли шагалось невесело, деревянно. Но и успела-то она всего пару шагов пройти, потому что под ноги вдруг откуда-то выкатился шипящий и урчащий комок трехцветной шерсти. Вцепился когтями в ногу пониже колена, рванул, отскочил и бросился

на старух. Ава почувствовала себя свободной и израненной, но страдать насчет царапин было некогда.

Потому что из леса в самом деле вышел медведь.

Старухи запищали и брызнули в разные стороны, да так быстро, словно были маленькими девочками. Ава протёрла глаза: баба Сима и баба Вася действительно уменьшились на бегу. А потом пропали в чаще.

Медведь же остался. Он шёл навстречу Аве на задних лапах, распахнув передние, и мычал. Ну, или, ревел. В любом случае звук был не слишком громкий, но страшный настолько, что Августина от испуга завизжала и кинулась бежать, забыв развернуться. Запнулась, упала – медведь шёл и шёл. Ава стала пятиться сидя, дотянулась до дерева и выпалила первое, что пришло на ум:

– Встань передо мной, как лист перед травой, как снежинка перед тучей, как песчинка перед кручей...

Медведь слегка присел, подогнув задние лапы, уперся в них передними, и вдруг... засмеялся:

– Кха-хха-хха!

– Он же тебе не конь, – послышался голос откуда-то сбоку и снизу.

Под руку вдруг ткнулось что-то тёплое, твёрдое, но пушистое. Кошачья голова! А тут и вся кошка встала между Авой и медведем и сказала:

– Он же медведь, понимаешь?

– Ааа, – жалко просипела девушка сорванным голосом.

– Иди, иди, Потапович, – ласково сказала кошка. – Спасибо тебе, что морокушек прогнал.

Медведь посмеялся ещё немного, успокоился и подошёл к Аве на четырёх лапах. Понюхал и фыркнул. У Авы душа уже была даже не в пятках, а примерно там, где корни дерева, к которому она прижалась спиной. Но зверь не стал её есть, а только разинул пасть, из которой пахло жаром и как будто сырым мясом, и вразвалочку ушёл.

– Это лесной хранитель, – пояснила кошка, села и потёрла лапой мордочку.

– Ты... всё-таки ты говоришь, – сказала Августина.

– А ты всё-таки такая же глупая, как и остальные участковые, – парировала кошка.

– Я не хочу быть тут участковой, – сказала Ава.

– Никто не хочет, – сказала кошка. – Ты всегда можешь уйти.

– Не могу, – призналась Ава. – Почему ты сразу не заговорила? Могла бы предупредить про бабу Симу.

– Хотела поглядеть, как ты справляешься сама. Новички – это всегда так весело, – голос у кошки, однако, был достаточно равнодушный.

Она вообще странно говорила. Как всегда в случае с животными ведьм: непонятно, как они произносят слова и откуда идёт голос.

– Весело? – возмутилась Ава. – Это, по-твоему, весело?

– Зато ты познакомилась с Хранителем. Думаю, ты его впечатлила, – сказала кошка. – Пошли, что сидишь? Тебе ещё юбку от зелени отчищать. Нельзя же в таком виде ходить! Помни: тут встречают по одежке.

– Это я уже, кажется, поняла, – вздохнула Августина. – Теперь осталось ещё понять, как стирают в условиях избушки на куриных ножках. Да и не только стирают... Ну ты поняла.

– Ха, – сказала кошка. – Пошли! Тебе понравится!

ГЛАВА 3. Утро вечера мудренее

Избушка оказалась гениальным творением инженерно-магической мысли. Жаль только, что гений, похоже, проживал в глухом средневековье и о некоторых изобретениях знал разве что понаслышке. Но зато разработал «несгораемые» чары, которые со временем не истонча-

лись и не развеивались. И пропитал ими все бревна, доски и прочее в том же духе. В результате пространственное искажение по сей день работало исправно, и стоило лишь приложить определённые усилия воли, как подчинялось любой ведьме или любому колдуну.

Всё это кошка по имени Яшка объясняла Аве битый час. Они уже и перекусить успели, и чаю попить, а девушка всё никак не могла взять в толк, как правильно пользоваться домиком. Инструкции никто не оставил, и хотя кошка показывала, где, что и как, у Авы пока не получалось ничего, кроме как развернуть избушку к деревне задом и к лесу передом. И обратно.

Беда в том, что Ава была хорошим милиционером и плохой ведьмой. Потому и выбрала обычную человеческую профессию, что с магией у неё было так себе. И ведьмовскую школу окончила она едва-едва, и дальше по профилю не пошла, хоть и предлагали. В двадцать восемь с половиной лет у Августины был не слишком богатый послужной список, одна награда и одно понижение на два звания. Как ведьма же она уже схлопотала десяток инквизиторских предупреждений, одно взыскание и отсроченную казнь.

Разумеется, в современном, относительно гуманном мире, тем более в Союзе, насмерть ведьм никто не казнит. В данном случае под «казнью» имелись в виду различные инквизиторские наказания – принудительные работы, вечное заключение, погружение в спячку, истощающую тело и разум, лишение магического дара и прочая, прочая.

И хотя лишение свободы в итоге заменили ссылкой в Лукогорье, Ава полагала, что этим дело не кончится.

– Я очень плохая ведьма, – сказала она кошке Яшке. – И не в том смысле, что злая, а в том, что неумелая и невезучая.

– Ничего, научим, – ответила кошка. – Этой деревне нужна Баба-Яга. А тебе нужна эта деревня.

– Я даже морокушек не сумела опознать. Тут я и как милиционер оплошала, – пожаловалась Ава. – А сейчас я и вовсе не могу открыть подпространственную дверь в баню.

– Ну, зато у тебя почти получается открыть подпространственную дверь в приёмную для граждан, – мурлыкнула кошка.

– Только приоткрыть, да и то, там, кажется, ничего нет, кроме стола и стульев. Даже окна, – сказала Ава.

– Ну и хорошо, зачем тебе в допросной окна, – совсем другим, каким-то грубоватым, жестким голосом сказала Яшка и тут же снова мурлыкнула мягко и ласково. – Ты всему научишься, Авочка.

– Я научусь, – вздохнула Ава. – Главное, чтобы обошлось без особых потерь.

Кошка вскочила на стол, потёрлась мордочкой о лицо девушки.

– Слушай меня и ни о чём не печалься, – сказала она Аве, – для начала вспомни, какие там у тебя обязанности как у участкового. Как с населением работу проводить и за порядком следить. Остальное я тебе подскажу.

– Ты же прошлой Яги кошка, да, Яш? – спросила Ава. – Я не смогу быть твоей ведьмой по-настоящему, понимаешь? Ты не станешь моим фамильяром.

– Ну что ж, не очень-то и хотелось, – сказала Яшка и мазнула девушку хвостиком по руке, проходя мимо. – Навязываться не буду. Партнёры, да? Напарники.

– Если только частично, – ответила Ава.

– Но я тебе буду помогать. Всё расскажу, и какие тут порядки, и какие проблемы. И научу, как человека от нечеловека отличить, а то снова впросак попадёшь.

– А... медведь? Хранитель? С ним как поладить, научишь?

– Зачем? – кошка разве что плечами не пожала. – Он тебя увидел, ты его, и пока этого достаточно. Сейчас, знаешь, просто с домом управляться научись, а потом спать. Утро вечера мудренее.

– Хорошо, что не мудрёнее, – проворчала Ава.

– Хорошо, – согласилась Яшка, прыгнула со стола на лавку, а с лавки на пол, да и ушла из избушки.

Дверь перед нею сама отворилась.

«Я – Баба-Яга, – глядя утром в зеркальце пудреницы, мысленно сказала себе Ава. – Сказочный элемент. В Лукогорье. Участковая ведьма!»

Не помогло. Должностные обязанности Бабы-Яги ей известны не были.

Она потёрла пальцами виски и угрюмо посмотрела в тёмный угол избушки. Было ещё довольно рано и тихо, посапывал на плите чайник, лежали на столе хлеб и «докторская» колбаса. Яшка всё гуляла.

– А ну, избушка, – сказала девушка, – не подведи, родимая. Подскажи, как мне душ принять и в туалет сходить. В кустиках очень уж попу колет.

Ей показалось, что по избушке как будто пробежал тихий хохоток. Но ведь она тут была одна.

– Избушка, пожалуйста, будь мне другом, – не на шутку взмолилась Ава. – Я вчера так и уснула невымытая. Спасибо, ты хоть кровать мне предоставила, а не то б я на полу... Милая, красавица моя, старушечка прелестная, подруга дней моих... Пожалуйста!

– Ой, ну наговорила, – послышался со всех сторон тихий смешливый шепоток. – А с Яшкой небось такая милая не была!

– Избушечка, – обрадовалась Августина. – Это ты шепчешься?

– Ну, а если ты не умеешь молча общаться? Что ж я поделаю? – прошелестело по углам. – Чего тебе? Баньку, что ли, истопить? Нужник открыть, раз в кустиках неуютно?

– Страшно ночью было туда бегать, – призналась Ава. – Даже с фонариком. Шуршит кто-то, в кустах возится, и будто подглядывает кто.

Избушка придушенно рассмеялась, а потом расчихалась.

– Пыль везде, – пояснила она шуршащим старушечьим голоском. – Вот если б кто подмёл, да полы намыл, печку бы от золы вычистил, а трубу от сажи... Вот тогда б я тебе и баньку истопила, и постель постелила, и даже будочку с сердечком от души бы поставила. Хотя вообще в древности вот люди не привередливые были, в печке мылись.

– Ага, – оживилась Ава, – вот как это работает! Ты мне, я тебе. Да? А с прежней Ягой как было?

– С тобой так, как с прежней, точно уже не будет, – доверительным шепотком сообщила избушка. – С нею я полста лет знакома была, а до неё – с предшественницей ейной да с матушкой предшественницы, она и ремонт мне затеяла, сердешная. А до матушки с Ёжкиной бабушкой была я связана неразрывными узами. Теперь-то уже что? Речки нет, граница стёрта, не сказочная жизнь пошла. И ты, поди, тоже элемент реальности, а не сказки, хоть и ведьминская сила в тебе есть. Так что нишкни, Августина Антоновна...

– Витальевна я, – нахмурилась Ава.

– А, прости. Спутала. Прежняя Яга Антоновна была. Ядвига, стало быть, Антоновна Черных. А до неё была Варвара Лукова. Тут в Лукогорье почитай через одного все Луковы...

– Сейчас чай допью, уборку обозначу – и пойду привыкать, – пообещала Ава.

– Что значит – обозначишь? – удивилась избушка. – Я по-современному не очень.

– Обозначу – значит, расставлю приоритеты и делегирую полномочия различным предметам. Только давай по-честному сотрудничать, избушечка. Форма у меня после стирки не просохшая и вся мятая, не могу же я к народу в таком виде выйти? Это раз. Тряпок я не вижу, ветоши мне надобно, воды горячей пару вёдер – кстати, и вёдер я тоже не нашла. Веник, совок – всё надо. Голыми руками много не сделаешь. Ну и обустрой мне, пожалуйста, когда я с обхода территории вернусь, комнату вторую для приёма граждан. Чистую, просторную, со столом и стульями, и с окном. Очень обяжешь!

– Много ты чего-то запрашиваешь, – подозрительно буркнула избушка. – Я-то что с того получу?

– Помимо чистого пола? Окна помою, занавески новые повешу, покрашу дверь и наличники, – перечислила Ава, – позову кого-нибудь, чтобы трубу печную почистил и золу выгреб. Ну и, пожалуй, летом травы буду собирать, по углам развешу. И заговоры начитаю, чтобы ни моль, ни тараканы, ни жучки тебя не донимали. А там поглядим, что ещё получится сделать.

– Ого, – уважительно просипела избушка. – Да ты, я смотрю, надолго обосноваться решила!

– Деваться мне некуда, так хотя бы обустроюсь по-человечески, – сказала Ава.

Перед нею, брякнув ручкой, появилось на полу эмалированное зелёное ведро, наполненное тёплой водой. И в придачу самовязанный веник, железный совок для мусора, скребок для пола, щётка и кучка ветоши. Работы Ава не боялась, но на неё уходило так много времени, что она действительно «делегировала». В ведьминской школе бытовым заговорам, чарам и прочим премудростям уделялась половина учебных часов. Почему-то считалось, что порядочная ведьма обязана уметь наводить чистоту и готовить не только зелья, но и вкусную еду.

Впрочем, Ава всегда считала, что вкусные зелья идут гораздо приятнее. И что борщ не зря считается одним из лучших немагических приворотов. Она и сама охотно приворожилась бы к кому-то, кто хорошо готовит и умеет убираться. Хотя бы для того, чтобы ей самой пришлось меньше колдовать в быту!

Веник и совок заплясали по полу, радостно выметая пыль к сеним, а затем и на улицу. После них пришёл черёд скребка и тряпки. Сама Ава, не доверяя шальным предметам обихода, забралась вытирать пыль с верхних полок.

Тем временем избушка, пыхтя и бесконечно ворча тихим, еле слышным голоском, создала устойчивый подпространственный переход в ещё две комнаты. Выглядело это как две нарисованные на дощатой стене двери. Только ручки-скобы были настоящие. И стоило ведьме их коснуться, как двери распахивались: одна в спальню, вторая в «казённое» помещение. Жаль только, потолки везде были низковаты и двери сами по себе маловаты, но ничего, протиснуться можно.

В спальне на пышнотелой постели, застланной белым пикейным покрывалом, была разложена отутюженная на славу форма. Ни пятнышка не было на юбке, и форменная серая рубашка казалась новенькой. Куртка и фуражка висели на гвоздике над койкой, и тоже выглядели как с иголки. Ава лишь вздохнула, увидев, что погоны старые, с избыточными понижение дырочками.

– Отлично, избушечка, спасибо, – поклонилась Ава. – Ты уж извини, но остальное я приберу в другой раз. Пора бежать!

ГЛАВА 4. Чем дальше, тем страньше

Обход населения измотал Аву до безобразия. Записная книжка распухла от сведений, а ноги – от бесконечной ходьбы по Лукогорью. Выводы у девушки были неутешительные.

Во-первых, деревня действительно была насмерть отрезана от цивилизации. Люди тут жили как при царе Горохе и, что самое удивительное, даже не жаловались. Лукогорье не входило ни в одно хозяйство, его не было на карте и оно никак не участвовало в общей экономике страны. Внутренняя же экономика тут была прочно основана на народных мудростях в духе «цыплят по осени считают», «под лежачий камень вода не течёт», «глаза боятся, а руки делают» и «что посеешь, то и пожнёшь».

Люди, прямо как в учебнике истории за пятый класс, были охотниками и собирателями. Да какими там охотниками – чисто же браконьерами! Ружей было не так чтобы много, но все без документов. Ни одного разрешения на хранение и использование охотничьего оружия, кроме как у Лесника! Сам Лесник возил сюда патроны, порох, дробь и жаканы без счёта, и

вообще его деятельность Ава могла расценивать как контрабандизм и поощрение браконьерства. Охотничье хозяйство в этих местах располагалось гораздо севернее Раева, а в окрестностях Лукогорья, стало быть, с попуска Лесника, стреляли незаконно.

– Ну так Хранитель же следит, – пояснил Лесник, почёсывая в затылке. – Чего ещё надо?

– А закон вам, стало быть, не писан? – возмутилась Августина.

– А пускай закон тогда сюда попробует автобус пустить и электричество провести, – сказала старушка Агафья Лукова. – Нет? Не выйдет? Мы аномальная зона. И выживание тут в наших руках. А у закона что же, задача нас уморить со своими правилами, которые тут не работают?

Это всё было во-первых. Никаких способов урегулирования, никаких методов работы с таким населением быть не могло. У них выбора не было, и у Августины, понятное дело, тоже.

Во-вторых, во всей деревне действительно не было не то что детей, а и просто молодых людей. Самыми молодыми были две супружеские пары, да Лесник, которому перевалило за пятьдесят, да ещё два мужика, родившиеся непосредственно перед тем, как Излучина стала аномалией и Лукогорье отрезало от всего мира.

В-третьих, Ава быстро поняла, что входит в список людей, которые способны покидать зачарованный круг. Из тех, кто жил тут, это мог только Лесник. Из тех, кто способен приходить извне – почтальон Лавочкин на его разбитом велосипеде, и товарищ оперуполномоченный Уколов. Но второй приезжал только однажды. А вот Лавочкин частый гость! Пенсию привозит. И открытки продаёт. И журналы! «Работница», «Юность» и даже «Мурзилка»...

– Этот везде пролезет, – отозвался о нём Лесник. – Такой он человек!

Если очень сильно требовались, Лесник сигнализировал в Раево, капитану, главврачу или председателю сельсовета. Машины доезжали до развилки, дальше могли пройти или проехать только свои. Нехитрые продуктовые пайки или медикаменты передавались Леснику. Больные передавались на носилках врачу и ехали в райцентр. И всё. Местная Баба-Яга, пока не сложила полномочия, занималась неотложной помощью и ещё чем-то, о чём местные жители как-то странно помалкивали. Спросишь – отводят глаза и делают вид, что напала на них редкая и очень сильная глухота.

– А кто решает вопрос, кому проходить туда и обратно, а кому нет? – спросила Ава.

– Хранитель, – пожав плечами, ответил Лесник.

– И почему никого не выпускает?

– Не могу сказать точно, – сказал Лесник.

– Мы тут все под подозрением, – встряла старушка Агафья Лукова, местная активистка, – и пока он не решит, никто не уйдёт.

– А в чём он вас подозревает? – спросила Ава.

– Да в разном, – уклончиво ответил кто-то из совсем уж замшелых стариков.

И в-четвёртых... На этот раз Ава пригляделась к жителям повнимательнее и поняла, что дело пахнет нечистой силой. Странные они были тут все, помимо того, что немолодые.

Здесь никто не умирал с той самой поры, как Лукогорье стало таким. Некоторым старикам было не просто за сто лет, куда там! Уже гораздо больше! Кое-кому в тридцатых годах стукнуло семьдесят, восемьдесят... И теперь на Аву глядели такие древние глаза, что девушке делалось не по себе.

Но как бы она ни вглядывалась, не могла понять: есть ли среди жителей ещё такие же представители потустороннего мира, как морокуши Сима с Васей. Может, и не было? Но что-то подсказывало Аве: так быть не может. И Хранитель наверняка держит всех здесь не просто так. И не пускает тоже...

Она вернулась в избушку в самом ужасном состоянии.

Кошка Яшка вылизывалась, устроившись на подоконнике, и при появлении девушка сказала:

- Непросто тебе тут будет. Это ты ещё с Хранителем не говорила.
- С медведем-то?
- Ну да. С Нилом Потапычем. И кстати, сынка его берегись.
- А как с ним говорить? – спросила Ава, садясь рядом с окном на лавочку и вытягивая гудящие от усталости ноги.
- Да как обычно. Сейчас луна новая пойдёт, он сам тебя навестит.
- Представив медведя в комнате для приёма граждан, Августина поёжилась.
- Кстати, зря ты ноги не бережёшь. Хочешь, я тебе транспорт предоставлю? – спросила Яшка. – Раритетный, между прочим. На нём прежняя Яга всегда производила на Раевских большое впечатление!
- Транспорт? – спросила Ава, позёвывая.
- Ага, – сказала кошка гордо. – Тогда и на совещания с Хранителем можешь спокойно летать.
- Летать?
- А ты, что ли, ползать хотела?
- Ладно, летать так летать. Потом покажешь, – Ава снова зевнула. – Надо что-нибудь поесть, умыться и поспать.
- Я тебе баньку враз истоплю, – послышался мягкий говорок избушки.
- Кошка Яшка чуть не упала с подоконника.
- Ты уже и с Курой общий язык нашла?!
- Она меня Курой зовёт, – наябедничала изба. – А сама-то кто? Яшка!
- Чем больше у меня союзников, тем будет легче, – сказала кошке Ава. – Потому что команда – это сила. Разве прежняя Яга не в команде с вами работала?
- Ну а как же, в команде, – вздохнула Яшка. – И с другими тоже...
- В брезентовом рюкзаке из Раево Ава привезла консервы, макароны, картошку и крупу. И был он такой неподъёмный, что до сих пор стоял у входа. Ава вытащила оттуда банку кильки в томате и картонную пачку длинных серых макарон. Избушка заботливо протопила печку ещё до возвращения ведьмы, и Августина поставила на плиту старенький котелок.
- А дрова откуда берутся? Тоже волшебство? – спросила она.
- Ага, как же, держи карман шире, – проворчала избушка, – тоже приходится договариваться. Тут натуральный обмен: Яга кому-то услугу, а ей – яйца, мясо, дровишки. Носки вязаные, опять же.
- Спектр услуг наших огласите, пожалуйста, – шутливо попросила Ава.
- А всё, что сможешь, то и спектр, – ответила кошка.

Вторая ночь в избушке на курьих ножках прошла куда как лучше, чем предыдущая. Ава помылась в бане, по достоинству оценила «побочных детей» избушки в виде сарая на курьих ножках и сортира без ножек, который не требовалось никуда поворачивать, зато отходы из него пропадали бесследно. Лучше было, конечно, не думать, что там в подпространстве происходит с такими материями...

Откуда избушка брала воду, тоже пока было загадкой, но вода была чистая, пригодная и для мытья, и для питья.

А лучше всего оказалась постель с удобным матрасом, пышными подушками и пуховой периной. В холодную майскую ночь она пришлась кстати.

Да, пожалуй, когда тебе некуда деваться и ты как бы в заключении под чужим надзором – хорошо, что у тебя есть удобства.

ГЛАВА 5. Новая метла по-новому метёт, старая – под лавкой валяется

За избушкой забора не было, только всяческие заросли – кусты, трава, чуть дальше уже лес. Но за ночь тут протопталась целая делянка, на которой приютились вчера появившиеся

сарай и сортир. Сюда-то и привела Аву кошка Яшка, сказав, что «транспортное средство» ждёт осмотра.

Сарайчик на цыплячьих ножках глянулся Аве ещё с вечера, а уж утром, которое было яснее, теплее и мудренее вчерашнего, и вовсе понравился. Он приподымался и приседал, словно напуганный домовый сыч. И дровяные ножки у него были. Тонкие и длинные.

– Дитя побочного союза, – назвала это создание кошка Яшка.

– Чьего? – опешила Августина.

– Избушки и мельницы, – сказала кошка. – Там за старой дорогой, у речки, колдун жил. Хотел сделать свою мельницу похожей на избушку, вот и получил в итоге незнамо что. Получилось и убежало! Шуму было, смеху... Мельница с нашей Курой подружилась, долго они по лесам бегали. Потом мельница встала на крыло да улетела, а Кура снесла яйцо.

– Непростое, а золотое? – хмыкнула Ава.

– Ты, главное, про туалет не спрашивай, – простонала избушка. – Если что, он не мой потомок, его Лесник с Хранителем поставили.

– Ну ладно, – с подозрением произнесла Августина. – А зачем мне сарай?

– Сама увидишь, – загадочно сказала кошка.

Ава сама не знала, чего ожидала, ну не летающий же мотоцикл «Урал» с коляской? И не самолёт, конечно. Но это...

– Это?..

– А ты чего хотела? Вертолёт с сиреною? – спросила Яшка. – Это называется ступа.

– Я вижу, – по мнению Авы, это была большая кадка.

Но как должны были выглядеть настоящие ступы, она представляла плохо. Обошла несколько раз это столярное изделие, а всё равно не поняла, как на нём летают.

– Да как же оно... Чем оно? Что оно всё... Э?

Кошка Яшка повалилась на земляной пол и зашлась кошачьим ехидным смехом.

– Значит так, – сказала она, не переставая подышать от смеха, – з-значит, залезай вон на ту скамейку и с неё лезь в ступу. Садись на край, не бойся, не опрокинется. Отталкивайся пестом, управляй метлой.

– А педаль зажигания где? А тормозной рычаг? – завопила из ступы Ава, попусту шаря ногами.

И головой завертела, ища, где тут упомянутая метла: с пестом было более или менее понятно. Торчал там в ступе какой-то до блеска отполированный старинный дрын... Метла тоже нашлась под лавкой, только вся какая-то истёртая, и черен оказался с продольной трещиной. Куда такой управлять? Впрочем, и как новой правят, Аве пока было неясно.

– Ну как на этом ездят-то? Ни руля, ни...

– Ты ещё дворники запроси и радио, – ответила Яшка сквозь смех. – И этот, багажник.

– Это так архаично, что у меня вот-вот костяная нога отрастёт, – сказала Ава жалобно.

– Не надейся, ты слишком живая для этих мест, – сказала кошка, опять-таки довольно сурово.

– Что? – не поняла Августина

Кошка сделала вид, что вопроса не услышала. Навострила ушки, повернулась к двери сарайчика.

– Хозяйка-а, я тебе подарок принёс, эй, хозяйка, где ты? – послышался откуда-то с улицы мужской голос.

– Подарок? – удивилась девушка.

– Хозя-а-айка! – надрывался голос. Пришлось вылезать из ступы. Ава ушибла коленку.

– Это Прохор Аверьяныч, он метлы и веники плетёт, – сказала Яшка, выглядывая из сарая. – Метлу тебе притащил.

Августина пробралась через молодую крапиву почти без потерь, потому что сегодня надела брюки и кеды, слегка нарушив уставную форму одежды ради удобства.

– Подкуп должностного лица или как? – спросила она, разглядывая диковинную метлу.

У неё было затейливо изогнутый черенок и очень пышное метловище, украшенное лентами, цветными шнурами и деревянными раскрашенными бусинами.

– Нет, подарок, – возразил хрупкий старичок с прозрачными от старости волосами и бородой – непонятно, где в таком хранился мощный голосина. – Прими на здоровье, прежняя Яга не брезговала.

– А взамен? – спросила Ава.

Старичок обиделся.

– Я власть уважаю, – сказал он с достоинством. – И не критикую, хотя мог бы. Я ещё государя Алексия застал, так-то, а ты, стало быть, только предпоследнего Вождя. И нового не переживёшь.

– Ведьмы долго живут, – в свою очередь разобиделась Августина.

– Вот-вот! Колдуны тоже! И как власть у его больше твоей, то и сила, значит, сильнее, и мощь мощнее, и здоровье здоровее. Так что править ему до смены века, ежели не дольше. Вожди – они даже и без колдовства долго живут.

– Да ведь всякое бывает, – неуверенно сказала Августина, вспомнив пожилого «предпоследнего» с его брылястым лицом, суровыми бровями и грудью, обильно убранный орденами и медалями. – К тому же Юлиан Зиновьевич уж столько лет был магистром... Я даже не знаю, сколько ему на самом деле лет!

– Так вот, – перебил её старенький Прохор Аверьяныч, – и такую власть я не критикую, и тебе советую воздержаться.

– Так я и не...

– И прежнюю Ягу уважал, не называл бабою, а звал по имени-отчеству, Ядвигой Антоновой. И хотя многие звали её невежественной старухой и несознательным элементом, потому как новую власть она долгое не признавала... Я всегда был на её стороне и метлы для неё вязал самые лучшие.

– А она?

– Хвалила меня, – старик выставил вперед подбородок с бородой-веничком. – Говорила, что метлы у меня завсегда волшебные получаются.

– Хорошо, – легко согласилась Августина. – Тогда и я буду хвалить! Молодец вы, Прохор Аверьянович, здоровья вам, удачи в делах и личной жизни и долгих лет жизни.

Довольный старичок торжественно передал метлу, пожал Аве руку и, прихрамывая, побежал прочь, да так шустро!

– Хороший дядька, – задумчиво сказала кошка Яшка. – Один из первых... Да что ж теперь. Не мы виноваты.

– Что же всё-таки тут произошло? – спросила у неё Ава.

– Вот будешь готова рассказать, что с тобой на прошлой службе случилось – тогда и я тебе всё расскажу, если к тому времени своим умом не дойдёшь, – довольно жёстко ответила кошка.

А потом добавила мягенько, ласково, с мурчанием в умильном голоске:

– Пошли, хозяйюшка, новую метлу опробуем и в ступе летать поучимся. А потом уж пора будет на поклон к Хранителю идти и с его неразумным дитятком знакомиться.

– Всё ж не по себе мне, к медведю в гости ходить, – сказала Ава.

– Ну вот пока летаешь, от всех этих мыслей избавишься.

Как говорится, делать нечего: назвалась Бабой-Ягой, полезай в ступу. Со второго раза вышло лучше. Сарай захлопал скатами крыши, словно крыльями, и распахнул их, обнажив дряхлые балки и сквозь них – синее небо.

– А ну, ступа, – следом за кошкой Яшкой повторила Августина, – поднимись-ка в воздух да сделай над деревней круг! Аййй, мамочкиии!

Последнее было уже не по научению кошки, а само по себе. Тем более, что кошка-то как раз молчала, крепко вцепившись всеми четырьмя лапами в деревянный борт ступы. Ава, визжа, до боли в пальцах впилась в помело, а ступа, опасно накренившись, вылетела из сарая через распахнувшуюся крышу...

И понеслась на такой скорости, что у девушки едва фуражка не слетела с головы.

– Потише, ступа, помедленней, – взмолилась Ава.

Ступа послушалась. Выдохнув, Августина приткнула метлу, словно цветок в вазе, и сняла фуражку. У неё подрагивали пальцы, но она всё-таки смогла кое-как опустить ремешок с козырька, чтобы, надев головной убор обратно, закрепить его под подбородком. Она знала, что выглядит в таком виде довольно смешно. Но сейчас было не до смеха.

– Ну всё, премудрость ты усвоила, молодец, – похвалила Яшка. – Теперь к Хранителю!

– А ну, ступа, полетели к медведю, – вздохнула Августина, понимая, что откладывать важное, по мнению Яшки, знакомство нельзя. – К этому самому, Нилу Потаповичу.

– Сынка его стерегись только, – напомнила кошка. – Самсон Нилович его звать, выглядит почти так же, только моложе. Поняла?

– То есть фактически там... ДВА медведя?

– Фактически там Хранитель и его сын, бабник и шалопай, – грубовато сказала кошка.

– Молоко на губах едва обсохло, а уже норовит поближе к Раево или Квасовке подобраться и девок напугать!

– Бедные девки, – посочувствовала и им, и заодно себе Августина.

– И кстати! Если у которой жених есть, он это чувствует и особенно усердствует, даже, говорят, испортить девчонку может ради куража. Бессовестный!

Ава поперхнулась воздухом и задышала ртом.

– Мух наловишь, – заметила Яшка. – Жених-то у тебя есть?

С женихом всё было плохо, и Ава замотала головой. Рот она, конечно же, закрыла.

ГЛАВА 6. Медведь во бору – что боярин в городе

И ведь хорош был здешний лес в майском убранстве! Всё тут было такое, что вдохновило бы любого писателя и заставило бы схватиться за кисть или перо всякого художника или поэта! Кружево юных листочков на ветках, майские первоцветы – ковром под ногами. Ступа в чаще летать отказалась, приземлилась на небольшой лужайкой, сплошь затканной пролеской да гусиным луком, да ещё печеночницей и ветреницей. И дальше пришлось топтать по узкой тропинке следом за гордым флажком пушистого кошачьего хвоста, белого в серую и рыжую полоску. Трёхцветная Яшка была чудо как хороша, и даже больше в ней было цветов, чем три: и белый разных оттенков, и рыжий светлый да потемнее, и серый, и даже почти чёрный там, где на пятнах шёл тигровый узор.

Так вот, невзирая на эту пёструю и яркую окраску, в лесу кошка Яшка терялась, отлично сливаясь с окружающей средой.

Несколько раз пришлось Аве останавливаться и окликать свою спутницу, пока на очередное «ау!» вместо Яшки на тропу не вышел человек. Довольно-таки молодой, наверное. Навскидку лет тридцати или чуть побольше. Но из-за щетины да морщинок около глаз взяли Августину сомнения: а может, и старше тридцати, просто моложавый?

Был он очень широк в плечах, мускулист, как богатырь, и одет лишь в выцветшие джинсы с потёртыми коленками да полосатую майку, даже босой. Симпатичное загорелое лицо расплылось в ухмылку при виде потрепанной ветром Авы в фуражке, ремешок которой всё ещё крепился под подбородком.

– Ну привет, – сказал человек и загорелой, огромной пятернёй поерошил довольно длинные бурые волосы на голове.

Ава смотрела настороженно: то ли поклониться, то ли удрать, то ли броситься в атаку. Рука сама потянулась к кобуре.

– Не стреляйте, гражданин начальник... Или ты гражданка начальница? – пуще прежнего ухмыльнулся мужчина. – Я пройду, ладно? Просто пройду мимо и пойду куда шёл.

– А что это ты тут, в такой чаще, забыл? – строго спросила Ава.

– Вы с какой целью интересуетесь?

– Я участковый инспектор, лейтенант... младший, – запнулась Ава. – Документики предъявите, гражданин!

Плывать ей было на документики, да и лес уже вряд ли относился к территории Лукогорья, но от неожиданности казённые фразы сами выскакивали изо рта. Что ни говори, ситуация давно уже была не рядовая.

– Документики у меня, к сожалению, не с собой, – сказал мужчина. – А пистолетик не доставай. Чего меня бояться? Я не морок, не покойник, не колдун даже. Ты же ведьма?

– Ведьма.

– Вот приглядиись получше. Знаешь, как надо? Прищуриться и смотреть как будто мимо. Погляди? Живой я? Или нежить какая?

– Живой.

– Теперь смотри сюда, – он ткнул огромным кулаком себе в могучую грудь. – Вприщур гляди! Здесь видно, есть ли на сердце злой умысел или ещё что-то недоброе. Видишь?

– Нет, – прищурилась Ава, не вполне, впрочем, понимая, как правильно глядеть.

– Ну и не бойся. Я вообще человек не злой.

– А я и не боюсь, – сказала Ава, почти уже успокаиваясь. – Я к медведю на поклон иду, чего мне бояться... всяких там.

– К медведю? – весело протянул мужчина. – И не боишься?

– Медведя боюсь, – призналась Ава.

Мужчина засмеялся, да так звонко, беззаботно, словно это было вот так-таки смешно: бояться дикого двухметрового зверя с огромными когтями и зубами.

– Хранитель – не злой вовсе. И общий язык с ним найти не так уж и сложно. Главное – уважение. Как там в сказках? Помнишь?

Ничего она не помнила. Но и не документики же у медведя спрашивать? Стала Ава в уме сказки перебирать, но что-то ничего на ум не пришло.

– Я с ним уже немного познакомилась, – призналась Августина.

– А, так это тебя старушки-морокушки схватили и едва не заставили пойти с ним драться?

– Меня! А ты откуда зна...

– Вот же тварины какие, знают ведь, что прежняя Яга с Хранителем хорошо ладили, – озабоченно сказал мужчина. – В другой раз не давайся таким! Правильно смотреть я тебя научил, дальше уж сама.

– А откуда ты это всё знаешь, раз не колдун?

– Ну, поживёшь с моёй, и не такое узнаешь! Бывай, пигалица.

Что-то это сильно напомнило то, как капитан Малецкий её встретил. Цацей назвал. Недооценивали её тут, вот что. Даже Роман Петрович, хоть и знал, за какие такие заслуги Ава сразу двух звёздочек на погонах лишилась – и то недооценивал.

Поглядела Ава вслед уходящему мужчине, прихлопнула на щеке комара... и нахмурилась. Не колдун, значит, не морок и не нежить, а босиком по майскому лесу ходит, в майке этой. И никакие комары его, получается, не жают, никакие клещи ему не страшны? Да и не жарко пока.

– И кто же ты тогда такой, путник? – спросила девушка шёпотом, но никто, конечно, ей не ответил. Она пошла дальше по тропке и увидела Яшку, которая сидела на пенёчке и нюхала большого зелёного жука.

– Ну что? Выбралась? – спросила кошка недовольным тоном.

– А ты куда делась? – в ответ задала вопрос Ава.

– Хотела проверить, умеешь ты в лесу дорогу находить или нет.

– А если бы я с волком повстречалась или с кабаном? – нахмурилась девушка.

– Ты же ведьма, все ведьмы умеют с животными ладить, – пожала плечами кошка. – Мы, кстати, уже почти пришли.

– Куда?

– А ты не видишь? Вот же его берлога!

Ава покрутила головой, посмотрела, наконец, вправо и увидела между деревьями жилище Хранителя. «Берлога» не походила на логово, или пещеру, или на какую-нибудь там нору. Это был деревянный сруб, да не чета избушачьему! Брёвна, кажется, были каждое в три обхвата, верхний венец возвышался от земли метров на шесть-семь – или это Аве так по неопытности показалось? В любом случае дом казался ничуть не ниже двухэтажного. Оконца в нём были небольшие, без ставен, с простыми наличниками и тёмными стёклами. Никаких куриных ножек Августина, разумеется, не заметила, зато крыльцо было отменное – высокое, широкое, с навесом, крытым красной жестью.

– Ничего себе у нас медведи живут, – сказала девушка.

Медведь из избы вышел всамделишный, огромный, матёрый. Встал на четыре лапы, подошёл поближе к Аве и заревел. Участкового инспектора обдало горячим воздухом из пасти, пахло, как и в прошлый раз, сырым мясом.

А что там в сказках-то про это было?

– Исполать тебе, хозяин, Нил свет Потапович, – подсказала Яшка, и Ава повторила эти слова.

Но так как медведь не реагировал, а смотрел на девушку и ворчал, её от испуга понесло по кочкам да гладеньким дорожкам:

– Ой ты гой еси, мишенька, не гневись, а меня выслушай! Коли стар ты, будь мне дедушкой, ежели ты в расцвете лет, будь мне дядюшкой, а если отрок – так будь мне братцем названным...

И руку перед собою выставила, коснулась крутого мохнатого лба.

От неожиданности медведь хрюкнул и сел на объёмистый зад. Но смеяться не стал, а превратился ну, пожалуй, что в дядюшку. Этаким одетый в простые штаны да рубаху, да в низко обрезанные валенки, бородатый сивопалый дядя. Лет этак, может, шестидесяти на вид. Ещё даже не очень седой. Но здоровенный, так что куда тому случайному встречному! Который тоже весьма широкий был.

– А если бы был я твоим сверстником, то что же? – спросил он лукаво. – Был бы я тебе мил-сердешный друг?

Ава отступила на шаг, но дядюшка Нил Потапович был не настолько страшен, как медведь. Тем более, что рядом с ним покатывалась со смеху кошка Яшка – лежала на спине, поворачивалась туда-сюда и хихикала.

– Над неопытностью человека смеяться – это низко, – возмущённо сказала Августина. – А ты, Яша, могла бы сразу всё сказать.

– Всё сразу неинтересно, – фыркнула кошка, как ни в чём не бывало садясь и укладывая хвостик на аккуратные лапки. – А как же помучиться?

– Это ты мне мстишь за то, что я тебя в фамилльяры не позвала? – спросила Ава.

– Неа. Не могу я быть твоим фамилльяром, – ответила Яшка.

– Она же не простая кошка, – начал медведе-оборотень Нил Потапович.

– Пусть она сама, Нил, – оборвала его кошка. – Что надо – подсказем, где надо – поможем. Но пусть всё-таки постигает науку сама. Много она упустила, надо когда-то и навёрстывать.

– Ну ладно, – сказала Ава. – Вижу, вы между собой всё уже решили, да?

– Не мы решили, судьба решила, – сказала кошка. – Но раз уж ты появилась и отступаться не собираешься, быть посему. Живи!

– Ну спасибо, – насмешливо воскликнула Августина. – А вы не хотите объяснить, что тут происходит? К примеру, почему люди из Лукогорья все в возрасте и нет среди них ни одного ребёнка? И почему они уйти отсюда не могут? И почему сюда не каждому путь открыт?

– Ох, много вопросов, девонька, – сказал Нил Потапыч. – А как быть, если граница Реки тут пролежала? Высохла река, устроила здесь место заповедное... И получилось...

– Аномалия получилась, – пояснила Яшка. – Ты должна понимать. Ты сама аномальная.

– Чего это я аномальная? – тут же оскорбилась Ава. – Я нормальная.

– Да? Расскажи, чего это тебе фамильяр не нужен? – усмехнулась кошка.

– Ты же всё равно не можешь быть фамильяром, – сказала Ава.

– Я не могу, а вот кто-то другой смог бы! – задумчиво сказала Яшка. – Кошка, собака, даже сова или ворона – у многих ведьм вороны! Жаба опять же. Слышала и про пауков. Крыса, ёж, летучая мышь. Всякая живность годится!

– Бррр, главное, чтобы это была не слишком противная живность, – сказала Ава. – Но секретов у меня особых нет.

Тут она на миг всё же запнулась – ну как нет секретов, если не велено рассказывать об инциденте, который произошёл тогда на задержании преступной группировки? Хотя... Если про сам инцидент не распространяться, то какой тут секрет?

– У меня немецкая овчарка была, – сказала Августина. – Так-то я же не очень сильная ведьма, ты же уже знаешь, чего скрывать. Но компаньон вот появился – Веста, хорошая собака. Я её в питомнике взяла, как служебно-розыскную, ради неё в кинологовической группе работала целый год, растила её, учила, да и сама училась. А потом её убили. На задании. И это всё, что я вправе разглашать.

– А вот интересно, если рассказать это зверям лесным, то считается оно разглашением или как? – полюбопытствовал Нил Потапыч. – Я бы тут же в медведя обратился! Очень уж интересно.

– Цыц ты, – шикнула на него кошка. – Не видишь? Тяжко ей про это говорить.

– А кому сейчас легко? – хмыкнул Нил Потапыч. – В общем так, ты у нас тут на испытательном сроке. Думаю, до летнего солнцестояния. А там или сама всё прознаешь, или мы тебе расскажем. Не раньше.

– Почему не раньше? – хмуро спросила Ава, всё ещё во власти своих мыслей и воспоминаний.

– Сбежишь, – сказала кошка.

– Да куда мне...

– Сбежишь, – уверенно перебила Яшка. – Все сбегают, если сразу рассказать.

– А от неизвестности не сбегают?

– А тебе куда, – сказала кошка.

Этот разговор, тёмный и непонятный, утомил и разозлил Августину, и она повернулась, чтобы уйти.

– Погодь, – сказал Нил Потапыч. – Давай сперва о правилах. Тебе от Яги много чего в наследство досталось. Ну и мне скоро пост придётся сдать. Так вот, ты человек новый, да не совсем чужой. Всё ж ведьма, а не просто какой-то участковый, как нам до того присылали. Слушай же правила хозяина лесного и Бабы-Яги, которые с древних времён для нас писаны.

ГЛАВА 7. От питья нет житья

Будильник застрекотал, заклекотал, подпрыгивая на тумбочке возле кровати, и Ава его прихлопнула наощупь, но без промаха.

– А ну цыц, – сказала, хотя будильник и без того притих.

Со вчерашнего голова ещё трещала, начинённая правилами «хозяина лесного» и кучей вопросов, оставшихся без ответа. Да делать нечего: придётся самой ответы искать. Отчего бы прямо с сегодняшнего дня и не начать?

Но только Августина умылась и села завтракать, как в дверь постучали.

– Куда прётесь, мадамочка? – запричитала избушка на курьих ножках. – Не приёмные часы для населения! К девяти утра приходите!

– Постой, Кура, – сказала Ава, откладывая в сторону бутерброд с маслом и сыром. – Вдруг что-то срочное. Открывай!

– Приятного аппетита, – коlobком вкатилась в избушку полная румяная женщина среднего возраста. – Вы тут, девушка, заявления принимаете?

– Смотря какие, – сказала Ава степенно и строго, как и полагается «начальнику», то есть «начальнице».

А сама не удержалась – посмотрела, как учил прохожий в лесу, чуть вприщур. Сначала немного как будто мимо головы. Потом в район грудины. Посмотрела, и не понравилось. Вчерашний прохожий обладал ровной тёплой, чуть красноватой аурой, словно ореол свечного пламени. И на сердце у него ничего потаённого не было. Женщина же вся была точно подёрнута какой-то мутью.словно маревом над крышами, какое бывает от жары. И на сердце у неё было серо. Спасибо, что не черным-черно, конечно... Но что-то недоброе всё-таки было.

– А такие! – возмущённо сказала женщина. – Я своему давно говорила, что в милицию на него жаловаться пойду! Что заявление в райцентр пошлю! А теперь и посылать не надо, раз вы тут, деву...

– Товарищ участковый, – поправила Августина. – Пройдёмте, гражданка эээ...

– Лукова! Наталья Лукова, – заявила женщина.

Ну кто бы сомневался.

– А ну, избушка, открывай нам комнату для приёма населения, – сказала Ава.

– КПЗ ещё вам не открыть? – огрызнулась Кура. – Сказано: приём начинается с девяти!

– Откуда только слов таких набралась: КПЗ, – подивилась Ава, – архаичное строение, дореволюционное, а туда же.

– С милицией поведёшься – от милиции и наберёшься, – парировала изба. – Не прибрано у меня там, стулья не расставлены, окно открыто на проветривание.

– Ничего, с этим справимся, – сказала Ава. – Открывай... пожалуйста.

Наталья Лукова всё это время стояла, переминаясь с ноги на ногу. Одетая она была в ситцевое платье до колен, войлочный короткий жакетик, простые чулки и калоши с малиновым подкладом. И волосы светлые, желтоватые, в высокую гульку уложила.

Нарядилась, значит. Дело, видимо, было серьёзное.

– Проходите, садитесь, гражданка Лукова. Рассказывайте, как дело было, – пригласила Ава.

– Да что рассказывать, – кругленькая женщина уселась на предложенный стул и принялась озиаться. – Хочу на мужа жалобу написать. Бьёт меня, как на грудь примет.

Откуда ни возьмись, появилась Яшка, потёрлась об ноги, мурлыкнула:

– Аппарат собрал, хмельное гонит.

Наталья кошку то ли не услышала, то ли сделала вид, что не услышала. А вот Августина кивнула, дескать, приняла к сведению.

– Детей бьёт? – спросила девушка в надежде разгадать одну из тайн Лукогорья: вдруг сейчас гражданка Лукова возьмёт, да и расскажет, отчего в деревне детей нет.

– Так нету у нас ребятишек, бог не дал, – махнула рукой Наталья. – Мы же последний поток живых тут... В войну, нас как малышами перевезли сюда от линии фронта, так мы тут... Бои за рекою шли, Яга с Хранителем Борозду переложили по-новому, целый полк немцев захоронили в лесах... С тех пор в Лукогорье путь живым закрыт. Так что нет, детей нету. Никитка только меня бьёт. На днях вот соседи вступились – и их побил.

– А на то, что он самогонщик, не хотите жалобу написать? – коварно спросила Ава. – Глядишь, полезнее будет.

– Никакой не самогонщик! – горячо заговорила Наталья Лукова. – А что бездельничает, пьёт, как конь, ещё и руки распускает, это факт! А работы немеряно! Хлеб-то посеяли – огороды сажать пора. А этот? Только в лес и ходит. А какой в мае лес? Косули тощие, лосихи беременные... Зайцы за зиму на что тощуют – одна шкура да кости...

«Медведи между тем упитанные», – с усмешкой вспомнила про хозяина леса Ава.

– А у меня синяки, – тем временем продолжала своё Наталья. – Вы же женщина, вот поглядите: здесь и здесь. Так что вот, хочу заявление написать. На побои и прочие хулиганства!

Избушка вежливо покашляла, но гражданка Лукова даже не обратила на это внимания. Синяки, действительно, присутствовали. Но даже не будучи судмедэкспертом, легко было определить, что побои Наталье нанесли не сегодня и даже не вчера. Желтоватая кайма вокруг кровоподтёков и сами они, уже бледноватые, свидетельствовали о нападении дня за три до момента обращения. И только на костяшках рук у Натальи были свежие ссадины. Совсем свежие, аккуратно смазанные йодом, сквозь который чуть сочилась ещё не схватившаяся корочкой кровь.

Всё это Августина аккуратно записала на листке писчей бумаги. И сказала:

– Расскажите, что конкретно произошло в день нападения.

– Вечером вот встречала я корову, возвращаюсь в хату – а он сидит, квасит, – затараторила женщина. – Ну, я ему... сказала! Не бросишь, сама тебя брошу! А он как по ноге меня пнёт! Повалил и бока намял.

– Врёт – не краснеет, – прокомментировала кошка Яшка.

– Вчера, – сказала Ава.

– Товарищ начальник, да вчера, вчера это было.

– Ну, пройдёмте тогда, – сказала Августина.

– Куда?

– До хаты вашей.

– Так зачем? Я тут заявление напишу.

– Пишите, пишите, – сказала Августина. – И заодно ознакомьтесь с результатами поверхностного осмотра.

Наталья пробежала глазами по листку бумаги и подняла на Аву изумлённый взгляд. Её прозрачные серо-голубые глаза медленно наполнялись слезами.

– Вы что же... На его стороне? – спросила она с невыразимой горечью.

Но Августину было просто так не пронять. Она твёрдо знала, что люди умеют врать, притворяться и манипулировать. Как ни хотелось ей наладить в одной отдельно взятой деревеньке полный мир и порядок, а действовать горяча не стала бы. Тут дело было явно не только в муже Натальи Луковой. Даже без Яшкиной подсказки про аппарат ясно было, что оба супруга друг друга стоили. Оставалось лишь выяснить: что не поделили.

А потому Августина, наскоро одевшись, положила в сумку-планшетку чистую бумагу и шариковую ручку для дачи показаний с другой стороны.

Мужа Натальи Луковой, согласно заявлению, звали Никита Луков, тридцать девятого года рождения. Он лежал на лавке возле дома и постанывал. Ава увидела ровно то, чего и ожидала. На лбу Никиты вздулась огромная шишка, под глазом красовался синяк.

– Товарищ участковый, а вы чего это записываете? – спохватилась Наталья, увидев, что Ава достала из планшетки ручку и сложенный пополам бумажный лист.

– Снимаю побои, – ответила Августина. – Налицо семейная ссора.

– Гражданка начальник, – простонал Никита, – я никаких заявлений писать не стану. Дура-баба она, конечно, но ведь так меня вся деревня на смех подымет! Вот отколочу её как следует, тогда можете забирать по хулиганке! Хотя куда вам? Тут ведь и запереть-то негде. Не под арест же домашний меня сажать, хе-хе! Мы и так тут под арестом как будто все... под деревенским.

– Ну во-первых, – сказала Ава, – было бы желание, а где запереть – найдём. Во-вторых, вам обоим это не поможет. Рассказывайте, что у вас тут происходит. Только без вранья!

А чтобы и впрямь не вздумали прививать, раздвинула руки, словно собиралась наматывать на них пряжу, и определённым образом пошевелила пальцами. Между ладонями потеплело, мягкая невидимая пряжа-паутинка слетела с пальцев и легла на головы мужа и жены Луковых. Не такие уж невинные были чары правды, но Августина сочла это необходимым, потому что профилактика бытовых ссор дело важное. Это они только сначала ссоры, а потом может и до особо тяжких преступлений дойти.

Дело оказалось, конечно, не самое серьёзное и даже смешное. Эти двое собрали самогонный аппарат. Только вот Никита Луков считал, что лучше всего будет употреблять «хлебное вино» внутрь, а сметливая и практичная Наталья хотела продавать всё подчистую через Лесника или почтальона. Они, как известно, могли ездить в райцентр и обратно!

Тут вот супруги во мнениях и не сошлись. Муж считал, что всё равно от спекуляций самогоном много не выиграешь. Да и деньги им не особо были нужны. Для чего копить, если безвылазно сидишь в Лукогорье?

– И вы из-за этого вот подрались? – спросила Августина, аккуратно записывая показания.

– Ну так это! Дело всей жизни, – сказал Никита, лукаво ухмыляясь и щёлкая себя по горлу.

– И ещё подерёмся, – кровожадно сказала Наталья. – А ну как вот вы, девушка...

– Товарищ участковый, – с нажимом сказала Ава.

– Вы, товарищ участковый, тут новые порядки наладите, новые правила наведёте, и мы сможем выезжать? Так и денежки нужны будут! Да и сейчас нужны, мне вот туфли новые охота и сапоги на зиму.

– В валенках, поди, теплее, – буркнул недовольный Никита.

– Значит, так, – слегка повысила голос Августина. – Поскольку подобная деятельность на территории Союза является уголовно наказуемым преступлением. Вы не только для себя хотели гнать, но и торговать, причём втянув в вашу деятельность третье лицо. С Лесником я отдельно пообщаюсь. А к вам прямо сейчас начну применять меры.

– Меры, – расхохотался Никита. – А какие ты, девчушка, примешь меры, если нас ни в тюрьму посадить не получится, ни штрафа с нас никакого не содрать?

– Во-первых, мне придётся изъять у вас аппарат, – сказала Ава, постучав шариковой ручкой по планшетке с бумажным листком. – Во-вторых, принять профилактические меры и провести среди населения воспитательные мероприятия.

– Беседу, – подсказала Наталья, посмеиваясь, но её муж, кажется, рассвирепел не на шутку.

– Как это изъять? Как это изъять? – возмущённо завыл он и полез на «товарища участкового» с кулаками, забыв о том, что должен страдать от побоев.

Кулаки Аве не понравились. Воспитательную беседу она начала сразу, как только от них увернулась.

– Чтоб тебе в барана превратиться, если ещё раз на кого руку подымешь, – резко сказала она. – И хмельное больше не пей, не то козлёночком станешь.

– Ах ты ведьма, – низким, воющим голосом затащила Наталья и тоже бросилась в атаку, но Аву было уже не остановить.

Через пару секунд перед нею стояла парочка: баран да ярочка. Баран был тощий, темно-серый, с чёрным пятном-чепраком на спине, а овца изжелта-белая и пухлая. Оба переминались с ноги на ногу и жалобно тянули «бааааа!»

– Ну что? Обратно в людей превратить или баранами побыть хотите? – спросила Августина.

Баран и овца ответить не могли, но от страха накидали на крылечко немало вонючих «орешков». Перспектива остаться блеющими животинами их явно не устраивала.

– Значит, так, – сказала Ава. – Вести себя как примерные граждане. Спиртное не употреблять, кулаками не махать, самогонку не варить. Поняли?

Баран с овцой закивали.

– Обещаете? Клянётесь?

Животные закивали с утроенной энергией.

– Как поклялись вы в том, так и будет. Если клятву нарушите, будете драться, пьянствовать и производить незаконным способом спиртное – станете баранами на веки вечные. А напоминанием вам будет служить...

Тут Августина ущипнула барана и овечку за густую скатавшуюся шерсть, выхватила по лёгкому пушистому комочку. Покатала в руках – и создался в неё маленький клубочек. Тогда ведьма прошептала заговор и похлопала в ладоши. Сама же удивлённо нахмурилась: меж ладонями потекло осязаемое тепло, упругое, почти горячее, будто держала она там грелку с кипятком. Это означало, что магической силы у девушки было с избытком. Никогда раньше Ава такого не ощущала, но знала, что у сильных ведьм и колдунов так бывает. У неё в лучшем случае тёплый сквознячок между пальцами пробежал, а тут...

Но удивление удивлением, а магия творилась легко. Пошептала в кулачок, сделала положенные пассы. Овечка и барашек стали людьми. Они стояли на коленях, упираясь кулаками в землю. Одежда вся на месте, только почему-то ноги босые. Или Никита и так босиком был? Ава не припоминала.

– Мы больше не будем, – заголосила Наталья. – Скажи, Никит!

Мужчина угрюмо молчал, поскребывая ногтями седоватую щетину на лице.

– Надеюсь, что не будете. А напоминанием будет служить шерстяная нить из вот этого клубочка, – Ава показала комочек серовато-чёрной шерсти, скрутила пальцами кончик, вроде как нитку. – Пока шерсть из него вьётся, не кончается – всё как надо идёт. Можно, кстати, натянуть немало, хоть носки свяжите, хоть так оставьте, не дёргайте. Но как только нитка пропадёт, один комочек останется – значит, пришло время задуматься. А если клубочек палёным запахнет да обуглится, то всё, последнее предупреждение. Будете баранами. И не факт, что я сумею вам помочь.

Как было сказано в учебниках, последнее предупреждение наступало редко. Но люди бывают разные, в том числе и очень глупые.

Поэтому Ава спросила:

– Уразумели? Всё ясно?

– Угу, – сказал Никита, вставая и отряхивая штаны. – Яснее некуда.

Глаза у него были налиты кровью, а кулаки сами собой сжимались. Но ударить не посмел. Понимал, что с разозлённой ведьмой шутки плохи.

– И вы, Наталья, поняли?

– Да, – не глядя на участковую, буркнула женщина.

– Хорошо. Вот записываю: изъят самогонный аппарат, проведена воспитательная работа, вынесено предупреждение. Подпишитесь оба.

– Кровью? – шёпотом спросила более впечатлительная Наталья.

– Сойдёт и пастой, – сказала Ава. – Подпись шариковой ручкой имеет силу не меньшую. Так что не переживайте.

И сунула Наталье клубочек шерсти, который та зажала в кулаке.

Аппарат Никита был вынужден дотащить до избушки сам – Августина бы не справилась. Кошка Яшка шла следом, словно конвоируя правонарушителя.

– А вот я... – начала она, а потом по-кошачьи деликатно кашляла, – а вот Ядвига Антонова за такими делами особо не смотрела.

– За какими?

– Уголовными, – ответила Яшка. – У нас тут мало что происходит, конечно... Однако в прошлые разы Лесник сразу звал из города опера.

– А почему опер может приехать, а скорая – никак? – не преминула спросить Ава, но кошка, хитренькая, только ушами повела.

– Сама разузнай, – мяукнула она.

– И, получается, вы с Ягой ни в какие дела людей не лезли?

– Представь себе, без крайней на то необходимости вообще ни во что не лезли, – сказала кошка. – А за всякими необходимостями к нам с поклоном приходили.

– От поноса и золотухи лечить? – хмыкнула Ава. – А если муж бьёт жену или если сосед у соседа курицу украл – сразу милицию из города вызывали?

– По мелочам не тревожили, говорю ж тебе. Только когда совсем беда, – тут кошка явно помрачнела. – Дело Яги – следовать правилам Хранителей. Не допускать, не выпускать, не подпускать... Подновлять борозду да по лесу следить, чтобы никто... Ты понимаешь?

– Понимаю, – пожав плечами, сказала Августина. – Но я не хранительница. Я не Баба-Яга. Я участковая ведьма, младший лейтенант милиции, и поставлена здесь в первую очередь следить, чтобы не было правонарушений.

– Их и так особо нет, – заметила кошка Яшка. – Что с того, что люди тут от нечего делать, от изолированности, балуются чем ни попадя?

– Не положено чем ни попадя баловаться, если это выходит за рамки закона, – сухо ответила Ава. – Честь и хвала Бабе-Яге, что держала Лукогорье в порядке и спокойствии. Но без неё, я смотрю, люди всё равно распустились. Будем воспитывать.

– Нашлась тут... воспитательница, – проворчала кошка. – Не переборщи с этим. Власть, знаешь, в голову ударяет. Развращает. Не запугивай их, лучше поладить с людьми как следует, чем подчинять своей воле.

– Да что ты такое говоришь, – огорчилась Ава. – Я же понимаю! Всё будет в рамках полномочий. Да и не останутся они баранами на веки вечные, это заклятие получасовое.

– Проклятие само по себе уже за рамки выходит! А если нет, то давай цитируй, где в вашем милицейском уставе написано про такое воспитание! – в голосе кошки прорезались подозрительно старушечьи нотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.